

дорога!“ Дружки расталкивают собравшийся народъ, и пропускаютъ жену тысяцкаго. Она проходитъ къ новобрачнымъ съ гребнемъ, зеркаломъ, „сдерихой“, кокошникомъ и косоплеткой, положенными на блюдѣ. Послѣ этого за занавѣсой, т. е. повѣшеннымъ платкомъ, сваха расплетаетъ у новобрачной дѣвичью косу, расчесываетъ волосы гребнемъ, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы и надѣваетъ новобрачной на голову сдериху, сверхъ которой полагаются кокошникъ и платокъ. У жениха же только причесываются волосы. За тѣмъ платокъ, служившій занавѣсой, прячется и къ новобрачнымъ подходятъ отецъ и мать молодого князя съ кашей и чашкою квасу. Отецъ беретъ на ложку кашу и подаетъ ее прямо въ ротъ сначала новобрачному, потомъ его женѣ. Такъ дѣлается до трехъ разъ. Каждый глотокъ каши запивается новобрачными квасомъ. Послѣ отца трижды кормитъ новобрачныхъ кашей мать. Когда окончится кормленіе кашей, новобрачнымъ дарятся отъ родныхъ „сорока“ (женскій головной уборъ) и деньги, которыя полагаются на блюдо. Благодарность, за подарки, новобрачные выражаютъ поклонами. Послѣ даренія молодые отправляются въ уединенную комнату и тамъ ожидаютъ, пока не будетъ накрытъ обѣдъ. Свадебный обѣдъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ носитъ названіе „стола“, „столованье“. Такое названіе дано, вѣроятно, потому, что обыкновенно поставляется въ длинный рядъ нѣсколько столовъ, за которые по приглашенію хозяина, кромѣ участвующихъ въ свадьбѣ, садится много посторонняго народу.

Ив. Соколовъ.

Село Рька.

1875 г. 1-го октября.

Изъ міра народныхъ повѣрій жителей Вытегорскаго уѣзда.

(Народныя разказы).

I.

Одинъ, знакомый мнѣ, охотникъ пошелъ осенью въ лѣсъ за бѣлками. Долго онъ ходилъ по лѣсамъ и по болотамъ, но ничего

не убить и никого даже не видалъ. День, какъ нарочно, былъ самый дождливый—охотника промочило насвозь. Собрался онъ вернуться домой и идетъ мимо небольшой поженки, въ самомъ глухомъ лѣсу. Смотритъ, а на самой срединѣ поженки стоитъ лисица и что-то роетъ лапой. Остановился мужикъ, приловчился поставить къ деревцу винтовку и выстрѣлялъ; лисица только перекувыркнулась и—духъ вонъ. Подбѣжалъ охотникъ, взялъ звѣря, притащилъ подъ ель, расклатъ огонь и началъ сдирать шкуру. Смотритъ: пуля пробила грудину и вышла вонъ. „Славный выстрѣлъ“, подумалъ мужикъ и повѣсилъ шкуру на сучекъ предъ огнемъ, а самъ сѣлъ и началъ закусывать. Поднялся вѣтерокъ, сначала небольшой, а потомъ сдѣлалась такая вихирь, что сосны закрипѣли. Шкура такъ и рвется съ сучка; рвалась, рвалась, да и ушала на трупикъ. Вдругъ трупикъ ожилъ, шкура очутилась на немъ и лисица, цѣла и невредима, побѣжала нескорымъ шагомъ черезъ поженку въ лѣсъ. Все это такъ сдѣлалось скоро, что охотникъ только и успѣлъ ахнуть отъ страха и дива. Лисица ушла, а охотникъ стоитъ и дивится, да хлопаетъ о поли зинуна. „Не дивись—слышишь онъ изъ лѣсу голосъ—то ли еще бываетъ? Вотъ ты спроси-ко, что было съ Иваномъ Голымъ въ деревнѣ N по Шолы-рѣки“.

Голосъ замолкъ; начался мелкій осенній дождикъ и мужикъ безъ всего пошелъ домой.

Наступила весна. Охотнику этому пришло время идти строить суда на Шолу рѣку, по найму отъ хозяина. Ушелъ онъ, живетъ тамъ цѣлую весну. Разъ онъ вспомнилъ про ту деревню, о которой ему сказано было въ лѣсу. Сталъ спрашивать у людей, не знаетъ ли кто и не слыхалъ ли кто деревни N. Рабочіе, его товарищи изъ тѣхъ мѣстъ, сказали, что есть такая деревня—въ глухихъ лѣсахъ стоитъ, и дорогу рассказали. Подошло около этой поры два праздничныхъ дня; охотникъ снова спросилъ о мѣстѣ и пошелъ. Оказалось, что деревня эта стояла въ самомъ заглушьѣ, среди темнаго лѣса, и состояла только изъ нѣсколькихъ дворовъ. Нашелъ онъ въ деревнѣ и Ивана Голыго: это былъ уже пожилой человекъ—почти старикъ, жившій съ сыномъ и певѣсткою. Разговорились. Охотникъ нашъ и спросилъ, какое на вѣку съ нимъ диво въ лѣсу случилось, и рассказалъ ему въ чемъ дѣло.

„Да было—говорить старикъ—на вѣку такое диво не со мной, а съ моимъ отцомъ. Видишь, назадъ тому лѣтъ тридцать уже, отецъ покойникъ, но одну осень пошелъ на охоту за бѣлками. И былъ дома—недосуже было. Ходилъ онъ въ лѣсу цѣлый день и счастья такого вѣкъ ему не было—убилъ до сотни бѣлокъ, да паръ семь рябовъ, да еще сколько-то, не знаю, тетерь, такъ что цѣлая пона къ вечеру накопилась—едва, едва посылъ; да, кромѣ того, еще за плечами былъ конель съ харчами—тоже было взято на недѣлю заправки всякой. Дошелъ онъ къ вечеру до какой-то лѣсной избушки и зашелъ переночевать. Расположился, что дома, и перво на перво началъ съ бѣлки шкурки драть. Вычистилъ бѣлку, сварилъ ужинъ и сталъ закусывать. А на улицѣ-то такая тсмень сдѣлалась той порой, что хоть глаза выколи—въ двухъ шагахъ не различить ничего. Поднялся вѣтеръ, пошелъ дождь, лѣсъ зашумѣлъ, затрещалъ. . . . ну страсть, однимъ словомъ. „Эка погода!—думаетъ отецъ—можетъ, иной крещеный въ лѣсу плуствуетъ въ это время“. Только-что подумалъ онъ это, слышитъ, къ избушкѣ кто-то бѣжитъ и охаетъ. Дверь отворилась и въ нее, смотреть, нихастся высокій рыжій мужикъ въ армякъ и острой мѣховой шапкѣ.

— „Хлѣбъ да соль!“—сказалъ онъ.

— „Хлѣба кувать!“—говорить отецъ.

— „Это хорошо!“—сказалъ мужикъ:—„ѣсть-то я давно хочу!“—

Онъ сѣлъ на обрубокъ и началъ убирать на обѣ щеки. Скоро онъ сѣлъ весь хлѣбъ на столъ, но сытъ не былъ.

— „Ну, потчуй же, коли пригласилъ!“—говорить онъ отцу.

„Отецъ вытанилъ изъ кошелки ковригу и положилъ на столъ. Коврига въ нѣсколько минутъ исчезла, и отецъ замѣтилъ, что у мужика былъ такой большой ротъ, что цѣлые ломти уходили въ него, не задѣвая за губы.

— „Ну, давай, что еще у тебя тамъ есть!“—говорить мужикъ.

„Отецъ вытанилъ все, что было запасу. И это все—сѣлъ.

— „Ну, давай, говорить, еще.“—

— „Да больше нѣтъ ничего“—скажетъ отецъ; —„вотъ, будѣ хочешь, ѣшь бѣлокъ.“—

„Онъ и бѣдокъ съѣлъ, и рябовъ съѣлъ, и тетерь съѣлъ

— „Ну, давай еще!“ —

— „Да вотъ—говорить—если душа вынесетъ, такъ собаку ѣшь.“ —

„Тотъ схватилъ собаку и легонько проглотилъ и ее. Отецъ стоитъ не то живой, не то мертвый. . . . Ну, думаетъ, съѣсть те- перь и меня, а самъ читаетъ отходную.

— „Давай—говорить, снова—что у тебя есть еще?“ —

— „Больше—говорить—ничего нѣтъ.“ —

— „Ну, коли—говорить—ничего нѣтъ, такъ я тебя самого съѣмъ, только вотъ схожу недалеко.“ —

„Онъ ушелъ и унесъ у отца и порохъ, и ружье. Остался тотъ одинъ: бѣжать—думаетъ, нагонитъ. . . остолбенѣлъ, одно слово. Вдругъ, слышитъ, просунуль кто-то голову въ окно, да и говоритъ: „Бѣжи, добрый человекъ, вонъ. . . Въ правой руки, недалеко, есть дорога . . . по этой дорогѣ сейчасъ проѣдетъ тройка лошадей, такъ ты скочи на телѣгу, да крѣпче держись и смотри, приѣдешь какъ разъ къ тремъ соснамъ, а у третьей-то сосны одинъ, сукъ, очень толстой, будетъ тинутся надъ дорогой, такъ ты обѣими руками и захватись за него и повисни, а остальное тебѣ ужъ видно самому будетъ.“ Отецъ бросился изъ избы и побѣжалъ въ правую руку. Началь подниматься мѣсяцъ, такъ и видать стало все. Не успѣлъ отецъ отойти и полсотни шаговъ, смотритъ, лежить прямая, препрямая дорога, а по дорогѣ го всю мочь скачетъ тройка лошадей. Подловчился отецъ, пропустилъ ихъ, да и схватился за задокъ телѣги и скокъ въ нее. Лошади нуще прожняго понеслись—летятъ, что вѣтеръ; а видно, что около дороги-то все лѣсокъ растетъ небольшенькой. Сидитъ отецъ, да держит-ся. Смотритъ, сосна, тамъ другая, а дальше и третья,—отъ мѣсяца-то ужъ очень свѣтло стало; а отъ третьей-то сосны виситъ надъ дорогой толстый, претолстый сукъ. Приподнялся отецъ, подскочилъ на телѣгѣ и повисъ на суку смотритъ, онъ въ своей избѣ и виситъ, поймавшись руками за воронецъ. Мать еще не спала—пряла ленъ, и ужасъ ее взялъ, какъ увидѣла, что отецъ будто съ крыши въ избу ввалился. Чуть отпяли мы тутъ у старика руки отъ воронца—такъ примерзли къ жерди. Ну, да недолго

онъ и жилъ послѣ того. А ружье, собака, бѣлки и птица очутились на сараѣ.

„Вотъ какое дѣло было съ моимъ отцомъ, да и то ужъ давно было. А спросилъ онъ у хозяина-лѣсоваго почевать, тотъ и не начудилъ бы. . . . Она, эта изба-то была его,“ заключилъ Иванъ Голый.

(Рассказ. Кондуже. крестьян. М. См.)

II.

Тхаль разъ чрезъ деревню М . . . въ Питеръ Мезенець, старый, престарый, и остановился почевать въ домѣ Н. Нанился Мезенець чаю, поужиналъ, а самъ все молчать. Поужиналъ онъ и увидѣлъ, что на стѣнѣ виситъ ружье у хозяина; подошелъ онъ къ нему, посмотрѣлъ въ стволину, покачалъ головой и говоритъ:

— Каково, хозяинъ, стрѣляешь?

— А всяко, ваша милость—хозяинъ говоритъ—нио понаду, нио раню, нио и во все не понаду.

— Это плохо!—говоритъ—а вотъ что, хочешь ли я тебѣ сдѣлаю, что это ружье, какъ ты ни далеко бей, а ужъ всегда убьетъ?

— Хорошо бы это—говоритъ—было.

— Хорошо!—говоритъ—такъ и по рукамъ; значить, согласенъ.

— Согласенъ—говоритъ мужакъ.

Взялъ Мезенець ружье и вышелъ на сарай. А было холодно очень. Что онъ тамъ дѣлалъ, не знаю, только пришелъ, подаетъ ружье и говоритъ:

— Когда будешь стрѣлять, то назадъ не оглядывайся, а оглянись—плохо дѣло. Да вотъ, возьми еще эту книжку и сирячь подальше, а пойдешь въ лѣсъ, съ собой возьми. Мяѣ же послѣ скажешь спасибо. Поѣду чрезъ два года изъ Питера, не любо будетъ назадъ отдашь.

Велѣлъ онъ ему дунуть въ стволину еще и ружье повѣсилъ на стѣну, а книгу велѣлъ обрядить.

Пришла весна. Началась охота на токахъ тетерь и мошниковъ.

— Дай, говоритъ мужикъ, попробую ружье-то.—Варидилъ ружье и пошелъ. Смотритъ, сидитъ на дорогѣ волкъ, этакъ саженихъ въ пятьдесятъ. Далеко бить, да волкъ не дожидаетъ—побѣжалъ отъ мужика. Давай, думаетъ, пуцу въ догонку изъ дробн. Спустилъ . . . , волкъ только и жилъ.—Ну, думаетъ, и ружье у меня—изъ пули не убить такъ далеко!

И началась съ той поры охота у мужика: кого ни увидитъ, гдѣ ни увидитъ птицу, али звѣря—все бьетъ. Разъ, осенью, прицѣлился мужикъ въ мошника и слышитъ позади шорохъ . . . обернулся печально, а тамъ за синной стоятъ черной человекъ въ острой шапкѣ и тоже, какъ и онъ, цѣлитъ изъ ружья въ того же мошника. Взяло у мужика ружье изъ рукъ.

— Будь ты проклятъ, врагъ, именемъ Божиимъ—сказалъ онъ и бросилъ ружье въ рѣку. Черный человекъ пропалъ.

Пришелъ мужикъ домой, нашелъ книгу, которую оставилъ Меценецъ, затопилъ печку и се туда. Такъ, проклятая, и въ огонь-то не горитъ: грѣлась, грѣлась она, калилась, калилась, да какъ хлопнетъ, что изъ дикаго ружья, даже полѣнья-то изъ печки на полъ выбросило.

Спусти годъ послѣ того, приѣхалъ къ этому мужику товарищъ Меценца, съ которымъ онъ въ Питерь-то поѣхалъ; приѣхалъ, да и говорить.

— Худо, братъ, ты едѣлалъ и для себя и для моего хозяина. Хозяинъ-то—говоритъ—въ одно время почувствовалъ боль подъ сердцемъ и говоритъ мнѣ, „Смерть моя приходитъ—книгу, молъ, бросили въ огонь сейчасъ“ Такъ онъ велѣлъ мнѣ сказать тебѣ, что у тебя ни погн, ни пятнысь сего времени не будетъ ни на дворѣ, ни въ домѣ. Ты помни это.

Ну, оно точно такъ и вышло: никакимъ скотомъ во вѣкъ, не могъ разжиться: возьметъ корову—пропадетъ, возьметъ коня—тоже околѣетъ, возьметъ овцу—и та падетъ; да и работники-то все измерли у него и всю жизнь онъ жилъ почти одинъ одинокъ.

(Разсказъ М. См., крестьяниномъ сел. Конд.)

III.

Не дай Богъ запутаться въ лѣсу и остаться тамъ въ ночь на Воздвиженье. Эта ночь хотя праздничная, а всего тутъ въ ней бываетъ: и звѣря встрѣтишь, и врага-человѣка, а нечистой силы такъ дѣлый лѣсъ полным.—полной; что рыбы, ихъ тамъ, въ озерѣ, бѣсей-то . . . иида кишатъ окалянные. Было дѣло, видишь въ нашей деревнѣ; это доподлинно, что такъ—ужь будь вѣрять капли не совру.

Такъ, видишь, наша сусѣдка,—у ней не пришли въ эту ночь коровы,—пожалѣла свое добро-то оставить волкамъ, али нечистой силѣ, пошла ихъ искать. Ходила, ходила—нѣтъ ничего. Вереть пять отошла ужь отъ деревни, а темень стала, унаси Господи, какая. . . Дай же, говорить, до утра зайду въ избушку, что построена для стану: значить, въ сѣнокосъ тутъ спать люди. Зашла—ну, да какъ коровы-то на умѣ у ней, такъ и не перекрестилась. Зашла, а саму сонъ такъ и клонить. Отыскала онцупью нары и легла. Лежить . . . и протянула она печально руку впередъ, а рука-то и понадись во что-то мягкое . . . щупаетъ—человѣкъ лежить.

— Тутъ кто доброй человѣкъ?—спросила она.

Какъ спросить это она, а ужь и нѣтъ никого. Сусѣдка оробѣла, вышла пзъ избенки, да дай Богъ ноги—домой; кругъ полночи пришла, и не до коровъ. А коровы-то и безъ слуху пропали,—не могли и костей отыскать. Ужь это ей предъ этимъ несчастьемъ и притимилось.

(Разск. вдовы М. Кондужск. прихода.)

IV.

Вышелъ одинъ охотникъ рано утромъ, еще до солнца, на чучела (т. е. стрѣлять тетерь на чучелы, пзъ будки); а будка-то у него была очень далеко отъ деревни. Своротилъ онъ съ дороги и идетъ на свое мѣсто. Пришелъ, поставилъ на березу чучело и стоитъ. Слышитъ шумъ въ лѣсу и все ближе къ нему двигается. Онъ за сосну и спрятался. Вотъ и видитъ, мимо сосны этой старикъ съ вицею въ рукѣ гонить стадо лисицъ—штукъ этакъ съ тридцать. Увидаль это мужикъ, да и своимъ глазамъ не вѣрять;

постой, думасть, одну подстрѣлю. Только-что онъ подумалъ это, а старикъ и грозить ему хворостинной. Мужикъ опустилъ ружье и говорить:

— Дѣдушко! дай мнѣ одну.

— Нельзя! нельзя! Это отданы ужъ, а тебѣ чрезъ недѣлю на этомъ мѣстѣ двухъ уже дамъ—приходи!—отвѣчалъ старикъ.

Старикъ ушелъ и лисецъ угналъ.

Черезъ недѣлю мужикъ приходитъ опять на это мѣсто и смотритъ, прибѣгаетъ лисица—онъ выстрѣлилъ въ нее; не успѣлъ этой подобрать, смотритъ, другая прибѣжала—онъ и эту убилъ.

(Сообщ. крестьян. В. Кол.)

V.

Потерялась у крестьянина изъ деревни П . . . лошадь. Долго онъ искалъ ее, да не могъ найти—будто въ воду канула. Нашлись добрые люди и научили его. Вотъ что колдунъ Дорожка (у насъ былъ такой колдунъ—прибавилъ разсказчикъ—и славный былъ колдунъ) наказалъ ему:

— Поди—говорить—стань на перекрестокъ, крестъ привяжи къ лѣвой ногѣ, да возьми хлѣба кусокъ и копейку денегъ. Хлѣбъ положи на дорогу, а копейку отдай тому, кто мимо тебя пройдетъ или проѣдетъ, а тутъ и смотри, что будетъ дальше.

Наступила ночь. Дѣло было лѣтомъ. Мужикъ, какъ есть, вышелъ на перекрестокъ въ полночь и сдѣлалъ все, что подобаешь,—какъ наказалъ колдунъ. Стоитъ и смотритъ . . . видитъ, изъ лѣсной дороги ѣдетъ лошадь, запряженная въ телѣгу, сзади же ей ступаетъ человекъ въ сѣромъ кафтанѣ, въ острокопечной шапкѣ, а кнутъ у него за поясомъ. Проѣхалъ онъ мимо мужика, а тотъ и подаетъ ему копейку. Посмотрѣлъ незнакомый на копейку и отвернулся, а вмѣсто того нагнулся, откусилъ раза два отъ ломтя хлѣба и остальное опять положилъ на мѣсто. Проѣхалъ онъ и заѣхалъ въ деревню, но заѣхалъ такъ, что, не объѣзжая первой избы, проѣхалъ сквозь нее и началъ подниматься въ гору, а тамъ и не видать его стало.

— Остался я—разсказывалъ послѣ мужикъ—и вижу, что саже-

нихъ въ тридцати лежить моя лошадь безъ погь. Подхожу ближе—нѣтъ никого тутъ, а раньше точно была моя лошадь.

Скоро послѣ того—около двухъ дней онъ нашелъ свою лошадь въ болотѣ. Она была околѣвши, а ноги-то такъ ужъ совершенно отвалились у ней.—Нечистой-то правду показать, а если бы жива была, то онъ бы и конѣйку-то взялъ отъ мужика, а то такъ-то не за што было,—заключилъ отъ себя расканикъ.

VI.

Видишь, у одного крестьянина! потерялась лошадь въ лѣсу ищеть, ищеть—найти не можетъ. Погоди, думаетъ, схожу на Власовъ наволокъ (а это мѣсто у насъ самое нечистое), посмотрю. Осмотрѣлъ вездѣ—нѣтъ. А тутъ, глядитъ, и ночь застала его. Ну, говорить, домой идти далеко, переночую здѣсь, да утромъ еще схожу на Кривую рѣку. Нашелъ избенку, забрался туда, поужиналъ хлѣбомъ и легъ спать. Только сонной-то слышитъ что что-то холодно ему, какъ будто и вѣтромъ пронесетъ немного, а проснуться не можетъ самъ—какъ туманъ на него напалъ какой. Наконецъ отворилъ глаза и видитъ, что лежитъ онъ за избушкой на дощечкѣ—изъ избы-то его кто-то вынесъ. Взялъ онъ доску, занесъ въ избу, подожилъ, гдѣ она была, и опять легъ (перобли-вой парень былъ!). Легъ—и заснулъ. Заснулъ—и опять чувствуетъ холодъ. Отворяетъ глаза . . . смотритъ, звѣзды на небѣ, а около лѣсъ. Осмотрѣлся и опять, видитъ, лежитъ за избушкой на двухъ доскахъ. Изругался онъ, плюнулъ и опять ушелъ въ избушку. Опять легъ и началъ засыпать. Слышитъ, начали доски подниматься, подниматься и поплыли, какъ этакъ по льду, къ дверямъ.

— Ахъ, ты, поганая сила!—закричалъ мужикъ.—Будь ты проклятъ, окаянный!—

Доски ушала на полъ и мужикъ свалился, да такъ ушибся, что шесть недѣль не могъ владѣть правой рукой и правой ногой; да еще спасибо колдуну Мирону—тотъ посмотрѣлъ, а то смерть бы ему черезъ годъ была.

(Разсказъ крест. Кож. изъ дер. Зи.)

VII.

Лѣтомъ, въ одномъ приходѣ умеръ священникъ. Похоронили

его. Однажды, по осени, въ тотъ же годъ, одна баба—его прихожанка пошла въ лѣсъ за грибами и отошла очень далеко отъ дому. Между тѣмъ стало уже темнѣть, начали подниматься туманы. Глядитъ баба, а на другой сторонѣ болота видитъ—идетъ этотъ покойный священникъ въ рясѣ и съ корзинкою въ рукѣ. Дивится женщина, но видитъ, что—священникъ, то надо ему отдать честь. Подходить къ нему.

— Здравствуй, батюшка отецъ Ѡ . . . :—говоритъ она ему.

— Ха! ха! ха!—засмѣялся тотъ—здравствуй, батюшка Ѡ ! . . !
—повторилъ онъ и, поднявшійся въ ростъ сосенъ, побѣжалъ по лѣсу. Долго была слышенъ трескъ сосенъ и вой вѣтра за уходящимъ привиденіемъ. Долго была женщина послѣ этого нездорова, съ испугу.

VIII.

Давно, еще когда барщина была въ силѣ, дѣло было съ барскимъ человѣкомъ. Былъ онъ у барина выбранъ сборщикомъ и, значить, ужъ его то и дѣло было, что ходи, да собирай оброкъ съ крестьянъ, да подати, а не всю и не всю собралъ, то ужъ на конюшню и; знаешь, такъ тамъ вынарилъ, что надо вынести, а самому не выдти изъ того пару. Такъ этотъ самый мужичекъ, бѣдный, прѣбѣдный такой, собиралъ тоже деньги, да и много не собралъ еще, потому, значить—народъ все бѣдной такой, все изморены работой. Последній срокъ ужъ наступилъ завтра утромъ надо къ барину деньги нести. Не можетъ, миляга, мужикъ ни спать, ни ѣсть, ни пить; однако печего дѣлать, собрался еще до зори идти въ усадьбу. Идетъ утромъ по холодку, а самъ такой кручинной; присѣлъ на ключекъ къ дорогѣ и сидитъ. Умоглядитъ, идетъ по той же дорогѣ странникъ—старикъ съ посохомъ и сумкой! Увидалъ странникъ его, подошелъ къ нему и присѣлъ.

— Нѣтъ-ли у тебя хлѣба съ собой?—спросилъ онъ сборщика.

— Есть—говоритъ—вотъ корка, да и то въ ротъ нейдетъ.—

— Ничего—говоритъ.—Знаю я твое дѣло.—А самъ ѣсть, корку-то хлѣба, да слушаетъ, что ему говоритъ сборщикъ.

— Пойдемъ—говоритъ—пора ужъ.

Пошли. Старикъ идетъ, да все свиститъ дорогой—нѣтъ, нѣтъ

и свистнеть. Идутъ такъ они версту, идутъ двѣ, а стравникъ все свистать.

Прошли версть пять, а тутъ и дорога подошла калюнами очень круто: Только они завернули за калюнь, смотритъ мужикъ—цѣлая куча на дорогѣ змѣевъ лежитъ: такъ и вьются, такъ и ползаютъ другъ по дружкѣ и все—этакъ клубомъ.

Мужикъ ужаснулся, а старикъ подошелъ къ змѣямъ и началъ посохомъ шевелить ихъ.

— Еще не всѣ—сказалъ онъ и началъ снова свистать. Смотритъ, на свистъ плыветъ изъ лѣсу огромный, преогромный змѣище; приползъ, да и обвинялъ всю кучу.

— Видно далеко былъ,—сказалъ старикъ гадинѣ—что не успѣлъ въ первыхъ (какъ будто тотъ понимать могъ его разговоръ).

Тутъ старикъ взялъ за голову и за хвостъ этого самаго змѣя, закрутилъ его какъ веревку и, поднося къ сборщику, говоритъ ему:

— Перекуси.

Тотъ поморщился и отъ ужаса отступилъ.

— Перекуси!—повторилъ старикъ — тебѣ же будетъ лучше, смотри!

— Хоть душа сейчасъ вонъ,—сказалъ сборщикъ—но не могу.

— Ну, не можешь кусить, такъ хоть лизни; все же лучше будетъ.

Закрывъ мужикъ глаза, подошелъ и лизнулъ. Онъ съ ужасомъ ощутилъ подъ языкомъ чешуйчатую шкуру гада.

— Ну, теперь давай платъ свой—сказалъ старикъ.

Мужикъ подалъ ему рваную тряпицу. Старикъ обтеръ платкомъ всего гада и подалъ назадъ мужику.

— Вотъ, смотри, когда придешь къ барину, то пока ему долагаютъ о тебѣ, ты и оботри лице этимъ платомъ и жди, что тебѣ будетъ не худо; а кабы перекусилъ бы змѣя, то по вѣкъ бы былъ свободенъ.

Старикъ ушелъ въ сторону и больше его не видалъ нашъ сборщикъ, какъ сквозь землю провалился.

Пошелъ сборщикъ къ барину, а на душѣ-то словно веселье стало. Приходить. Долагають,—а сборщикъ возьми, да платкомъ-то утрись. Не успѣли сказать барину, а онъ и бѣжить самъ къ нему.

— Ну, спасибо,—говорить—спасибо!

Даже и денегъ не сосчиталъ—повѣрилъ на слово, и не спросилъ, что почему не все собрано, а велѣлъ напоить водкой и уволить отъ сбора навсегда, а выбрать другаго сборника.

Вѣдь вотъ какое дѣло-то было! А ночью тотъ же старикъ пришелъ къ нему во снѣ и говоритъ:—если бы ты не побрезговалъ—перекусилъ змѣя, то баринъ далъ бы волюнью тебѣ и твоей семьѣ на всю жизнь. Такъ, ужъ самъ не умѣлъ взять воли—на себя иѣвши.

(Разказ. крест. Я. Р.).

IX.

Нанялся въ одну деревню пастухомъ мальчикъ сирота. Лѣтъ такъ пятнадцать. Ну, а пастухово дѣло трудное. . . . за всякой коровой вѣдь не убѣгаешься и не усмотришь: иную въ день-то разъ и увидишь, а особливо, когда еще кто пасеть безъ отпуска, такъ тутъ еще хуже—одно слово, горе. Нанялся, это пастухомъ, такъ до того измаялся, что чуть живъ ходитъ, да и въ стадѣ пошло несладко: либо корова завязнетъ въ болотѣ, либо медвѣдь изранитъ, или волкъ, либо какая домои не придетъ. а за это всякъ бранить, да еще и приколотить. Горе парню, хоть въ деревню не показывайся. Сидитъ онъ вечеромъ, разъ на дорогѣ, да плачетъ съ усталю, бѣгавши за коровами, и видитъ, что идетъ къ нему старикъ.

— Чего, парень, плачешь?—спрашиваетъ онъ.

Парень молчитъ.

— Ну, говори же!—сказалъ тотъ снова.

— Да вотъ—говорить—такъ и такъ, и разказалъ все свое горе.

— Ну, ладно,—скажетъ старикъ—я твоему горю пособлю. Давай-ко свой крестъ, да поаетъ.

Парень отдалъ ч то, и другое. Взялъ это ихъ старикъ и ушелъ въ сторону, и долго тамъ былъ. Наконецъ, вотъ и зоветъ парня.

— Смотри—говорить—вотъ тебѣ крестъ и поясъ. Крестъ обряди подальше и не носи, пока пасешь коровъ, а поясъ повяжи на себя, и коли придетъ время гнать изъ деревни скоть, то ты подтяни его потуже, а выгонишь изъ деревни—приослабь, а ужъ коли отгонишь: версту или больше ни со веѣмъ отпусти, и тогда ложись спать и спи съ снокоемъ; а будетъ вечеръ—затяни опять поясъ, но не туго, а со слабиной; а коли услышишь коровы колокола, то и крѣпко подтяни: ужъ тутъ у тебя все коровы и будутъ до единой, и гони ихъ домой. Только въ этотъ вечеръ ты собери всехъ коровъ самъ, а тамъ будетъ легче—я тебѣ пособлю. И когда ты ужъ отпасешь, то ланги, которые послалъ въ лѣсъ, брось вотъ на это мѣсто, гдѣ мы стоимъ съ тобой.

Старикъ завернулъ за сосну, да и свиннулъ—внутри ли ушелъ ей, али сквозь землю ушелъ, парень не видалъ, а только старикъ пропалъ.

Собралъ, хотя съ трудомъ, а собралъ, парнишко вечеромъ коровъ, а на утро и сдѣлалъ, какъ велѣлъ ему старикъ. Погналъ изъ деревни коровъ—и поясъ поослабилъ; коровы пошли въ разсыпную; а прогналъ версту—и совершенно ослабилъ: коровы все—по сторонамъ и съ виду пропали. Шелъ было настухъ сначала во слѣдъ, да гдѣ—и не видать никого. Думаетъ, вотъ попалъ на бѣду, теперь и въѣтъ будеть не собрать никого. Однако легъ и заснулъ. Просыпается, а ужъ солнце на два кнуташища отъ заката. Взялъ призатянулъ поясъ и стоитъ... Прошло полчаса такъ или больше—слышитъ, стали около позванивать колокола и показались скоро и коровы. Онъ затянулъ поясъ покрѣпче — коровы все около него и собралась, да такъ и наступаютъ наверхъ. И погналъ ихъ настухъ домой, и были все на лице и зѣблехоньки. Такимъ манеромъ пропалъ онъ все лѣто, и ланги свои оставилъ подъ сосной, какъ велѣлъ старикъ. Это значить, ему плату дай, хоть лантемъ, а давай—заклучилъ свою повѣсть разказицкѣ.

X.

Буду я разъ съ проѣзжающимъ—и важной такой баринъ былъ, надо быть, генералъ, али больше, Богъ его знаетъ, потому, зна-

читать, все паровить съ руки раздѣлять больше. Запрягъ д. тройку въ тарантасъ, а оцъ у него свой цъ такой тяжелый.

Выѣхали, а оцъ постоянно велить ногощать—даже рукой идти.

— Качай—говорить—коли жизни хочешь!

Ну и ѣхалъ же я шибко. Только по дорогѣ, около половини, смотримъ, несется стадо коровъ: одна на дорогѣ, другая въ лѣсу, кой-гдѣ разбрелась; невѣстно, скотина—не убѣгасься и не усмотришь; ей дѣла нѣтъ до генерала. Тутъ у ней и настухъ сидитъ на перилахъ у моста—стариченко такой ледяной. Я поѣхалъ тише — паровлю, чтобы скоть-то сходилъ съ дороги, а не то уряжью чкнеть пнюю. Лишь поѣхалъ я это тихо, а баринъ мнѣ и плаху.

— Ты это—говорить—что зѣвасишь?

Говорю:—нельзя, молъ, скотина на дорогѣ.

Увидаль оцъ настуха, отъ меня отсталъ и накиннулся на него; выскочилъ даже изъ тарантасъ, да и его тоже въ него.

— Почто—говорить—у тебя коровы на дорогѣ?

Однако поѣхали и корову одну пристяжкой задѣло—досадили. Настухъ ужъ ничего, только покрасилъ—обидно-ли ему стало, али такъ, отъ злобы.

Поѣхали мы опять. Слышу, баринъ началъ что-то поохивать, что-то нѣтъ, нѣтъ и охветъ. Ну, думаю, ничего. Приѣхали мы на станцію; гляжу, выскочили ямщики, да и смѣются надъ тарантасомъ, а мнѣ не въ домскъ, что такое.

— Гдѣ—говорять—у тебя колесо-то?

Смотрю, задняго колеса нѣтъ въ тарантасѣ—на трехъ приѣхали. Оказалось, что моего барина надо было вынести на рукахъ, ужъ ему тутъ не до колеса... руку всю снушило, въ рукавъ не входитъ, такъ что, ужъ распоролъ.

Я на пристяжную, да назадъ, искать колеса. Проѣхалъ до моста, нѣтъ нигдѣ, воротился ни съ чѣмъ; даже самому совѣстно, что колесо потеряли. А точно, что чудно оно потерялось и найти не могли, цѣлой деревней искавши около дороги.

Пріѣзжаю назадъ на станцію, а тамъ дѣло еще хуже моего; у барина цухнетъ рука и начало гнать ногу; мочи бѣдному нѣтъ, такъ рветъ, крючкомъ даже ѣжится.

— Позвать—говорить—фельдшера.

Пошли, гдѣ-то въ кабацѣ его отыскали; нянкой пришелъ и такой замаранной—пу, одно слово, былъ казенный настоящій.

— Поправь—говорить—руку, что хочешь, дамъ!

Посмотрѣлъ тотъ... извѣстно, хоть бы и не смотрѣлъ, все равно—ничего не знаетъ.

— Сейчасъ—говорить—будетъ здорова, только мазь дамъ.

А самъ чуть на ногахъ стоитъ. Принесъ мазь, такую зеленую, да и намазалъ руку и ногу и тряпкой обернулъ. Пу, да какъ отъ мази-то тутъ начало рвать, такъ баринъ голосомъ востъ и зубами скрынить. Взялъ онъ все это тряпье, сорвалъ и бросилъ.

— Слова—говорить—звать его поганого (т. е. фельдшера-то).

Тутъ подходитъ къ нему Микита, содержатель-то яму, да и говоритъ:

— Ужъ фельдшера, ваше благородіе, неча звать, все единственно—не поможетъ, потому онъ у насъ такой, что все наровитъ, какъ бы въ кабацѣ, а въ другое мѣсто, а что даетъ зелье, такъ всегда еще хуже будетъ, потому ужъ онъ отъ природы такой, да и Бога, почитай, не знаетъ никакого. А вотъ, не прикажите ли позвать мельника Цифантья, такъ тотъ хоть и не лекарь, а помагасть многимъ отъ всякой боли.

— Давай—говорить—и мельника сюда, только скорѣй, мочи больце нѣтъ.

Вишь, ему не въ терпекъ пришло-то. Сбѣгали за Цифантьемъ. Пришелъ старикъ, сутуловатый такой, черный—чертъ чертомъ, коли кто видалъ ихъ. Подошелъ къ барину, осмотрѣлъ руку и ногу, а они у него черныя стали отъ фельдшеровой-то мази.

— Что—говорить баринъ—можешь пособить?

— Не знаю—говорить. — Ужо вотъ посмотрю, что тутъ есть такое.

Взявъ онъ у барина рубаху, да чашку воды, пошелъ на дворъ и долго тамъ былъ. Наконецъ приходитъ къ барину и говоритъ:

— Ты, баринъ, отъ того боляшь, что на дорогѣ настуха били; ну да это ничего, къ завтраму здоровъ будешь. А это фельдшеро-рово снадобье дальше брось.

И велѣлъ ему этой водой, что смотрѣлъ, вымыть руку и ногу.

— А самъ я—говоритъ—снова приду послѣ полуночи.

Помазали водой и боль сбила—таки съ разу и перестало колоть, такъ что баринъ и заснуть могъ и проспалъ, ужъ солнце низко было; но рука и нога все еще черные остались и тоже охнувши были.

А у меня свое дѣло—о колесѣ хлопочу: я тоже къ Пифантью съ поклономъ и на косушку ему сунулъ двѣнадцать конфекъ.

— Дожди—говоритъ—ночи, такъ я все узнаю.

И рассказалъ онъ мнѣ, что настухъ-то тутъ былъ не деревенскій, а лѣсового хозяина насъ коровъ и, значить, намъ бы и оскорбить его не надо было.

— И—говоритъ—еще не знаю, что дальше будетъ: надо сходить ночью на Чередины ямы, да спросить у самого хозяина. И о колесѣ—говоритъ—спрошу.

Послалъ я лошадей домой и дожидаюсь, что будетъ. Ужъ послѣ полуночи приходитъ этотъ колдунъ Пифантій.

— Ну—говоритъ—все хорошо: дѣло на стати. Твое колесо возьми въ Ольховскомъ болотѣ, въ глазникѣ лежитъ (это будетъ двѣ версты отъ стаціи-то).

И взялъ верховую и туда. Нашелъ колесо, да на сплу вытащилъ—все тиной затянуло.

А для барина колдунъ принесъ вѣвникъ изъ травы и велѣлъ баню стонить нежарко. Ночью и топили, и онъ какъ выпарилъ его этимъ вѣвникомъ, то, такъ какъ будто въявь, рука-то и стала спадать, а къ утру ужъ была по старому и баринъ дальше бѣгать могъ. Такъ онъ на прощанье далъ Пифантью четвертную (25 р.), да я еще ему на косушку за труды. Имщикамъ баринъ далъ тоже на ведро (т. е. водки) въ благодарность. Сутки мы тутъ цѣлые

нили за барекое здоровье и сверхъ еще издержали на ведро, почитай. А не ударь онъ лѣсоваго настуха—и не было бы угощенія намъ. Врагъ, вѣдь, силенъ есть на эти дѣла—горы корочаетъ, заключилъ рѣчь разскащикъ.

(Разсказ. крест. Ал. К.).

XI.

А, вѣдь, лѣсъ это самое печное мѣсто: тутъ всего есть, т. е. всякой всячины набито. И поводить тебя иногда — и самъ не знаешь, гдѣ ходишь, и притимиться всякая гварь, да и поднутить иногда.

Вотъ сказывали недавно, въ третьемъ годѣ, изъ одной деревни въ нашихъ мѣстахъ одинъ охотникъ пошелъ за бѣлками,—а ужъ осень была поздняя. Ходить все это, да стрѣляетъ и до вечера. Мѣсто-то, значитъ, все помнить, какъ есть, гдѣ ходилъ и какъ. Ну, и пошелъ домой; все знакомо, только дивится, что все дороги не находятъ, а ей ужъ нора бы быть. Мужику стало страшно... а о ту пору ночь ужъ подошла—темень, хоть глаза выколи, ничего невидно рѣшительно. Ну, думаетъ, значитъ, занутался; надо прилечь, да отдохнуть, куда-нибудь подъ сосну. Пашель онъ, этакъ, мѣсто подъ елью, разложилъ огонь и легъ. Самому, этакъ, на умѣ все что-то худо, какъ потерялъ что. Однако помаялся у огня-то, да и заснулъ. Долго-лиценалъ, долъко слышитъ что все что-то холодно, да такъ, какъ будто вода подъ бокомъ—мокро, значитъ. И охота бы ему проснуться, да нѣтъ не можетъ—такъ и насильвается, да нѣтъ, какъ что держать его. Вотъ слышитъ, ударили въ колоколь разъ, другой и часто зазвонили. Онъ опять какъ бы встать, такъ нѣтъ. „Госноди, благослови!—подумалъ мужикъ—что за притча такая?..“ Какъ это онъ подумаетъ, такъ и прохватился. Смотритъ, лежитъ на болотѣ, а около вода, а вдали колоколь такъ и звонитъ; да на улицѣ все-таки еще темно—хоть и видно, что зари поднимается ужъ. Поднялся мужикъ, осмотрѣлъ—такъ вода кругомъ, а онъ на кустикѣ моху стоитъ одинъ и до краю-то, этакъ, будетъ съ версту мѣста.

Думасть мужикъ, какъ онъ поналъ. Началъ онъ припоминать все: помнить, что легъ спать, кажись, подъ ель на сухое мѣсто, а тутъ на болотѣ стоитъ. Да и изьябъ онъ, миляга, а бокъ такъ

весь разломил отъ боли. Ни ружья съ собой, ни собакъ, ни бѣлокъ убитыхъ, ничего нѣтъ—куда все ушло?!.. Да, главное дѣло, выйти-то некакъ—около то пучина, ступинь и поминай какъ звали. Однако не вѣкъ же стоять, еще хуже перемерзнешь. Взять, да это онъ—и въ воду, а она такаа холодная—что огнемъ обожгло; переплылъ, да и на мохъ выкарабкался, да по болоту-то, по колѣнъ въ водѣ, на звонъ шелъ, шелъ, бѣтъ мала верстъ шесть, а думалъ тутъ и есть. Пришелъ въ деревню, а люди ужъ отъ утренни выходили—праздникъ былъ въ деревнѣ-то, Покровъ. Да тутъ онъ заболѣлъ и домой идти не могъ. А отъ этой деревни до его дому-то было верстъ тридцать, почитай. Послалъ домоу вѣдомъ ли пріѣхали за нимъ на лошади; а дома-то пришлось хворать, да хворать, какъ соломина высохъ; да этакъ съ погода промаялся, да весной и умеръ.

Только вотъ что диво, что ружье-то его оказалось дома, на сараѣ, тутъ—и бѣлки, и пороховница, и все, да и собаки-то (пара у него была кобелей) въ ту ночь прібѣжали домой.

Ну, вотъ—прибавилъ разсказчикъ, послѣ небольшой паузы—пусть это; вашъ братъ, бара скажутъ, что это такъ онъ самъ зашелъ на болото-то спать, да какъ ружье-то, да бѣлки-то попали домой? А—не вѣривъ спроси у него (онъ указалъ на другаго охотника).

— Да, слышалъ!—отвѣчалъ тотъ.— Было съ Демкой такое дѣло: знавалъ я его; хороший и мужикъ былъ, да покорыетоваль—передъ праздникомъ Покровомъ пошелъ въ лѣсъ. Ужъ видно, за грѣхи! Ну, да онъ в не былъ, чтобы, этакъ, къ Богу, а больше все, почитай, худымъ словомъ паровилъ, и не только человекъ обругаетъ, али тамъ звѣря, а такъ, значить, все—пу, и хозяйна тоже ругнетъ въ лѣсѣ. Ну, а ругань ругани розъ: ругни на худомъ слѣду—пропалъ человекъ.

(Разсказъ охотника Матвел).

XII.

Не хорошо попасть на худой слѣдъ, а ругнись на худомъ слѣду—и пропалъ человекъ. Худой слѣдъ, значить, бываетъ въ лѣсу тамъ, али въ полѣ, ну и на дому бываетъ; есть слѣды, гдѣ хозяйнъ (домовой) прошелъ—ихъ невидно такъ спроситъ: цу али сва-

1308456

дѣба лѣсоваго проѣхала,—все одно, значить: какъ человекъ ступилъ тутъ,, да еще изругался, ну и конецъ—добру не бывать.

— И свадьбы тоже есть у лѣсовыхъ?

— А то какъ же бы ты думалъ!

Вотъ, сказывали, давно ужъ, одинъ парень былъ на лѣсовичьей свадьбѣ дружкой, и на рубаху тамъ кумачу дали. Это было только давно—еще бабка моя чуть ли то была родившись. А въ корельскихъ волостяхъ, тамъ дальше насъ, сказывалъ одинъ Шведъ, прохожій, лѣсовой хозяинъ тоже, такъ тотъ пришелъ къ мужику дѣвку сватать. Тамъ славно одѣвшись былъ: козловые саногн, красная рубаха, тулунъ и все, какъ есть—настоящій купецъ, значить, или прикащикъ какой изъ Питера. Развернулъ бумажничъ—денегъ гибель, деревню покрыть можно. При немъ тоже братъ, мать и вся, значить, церемонія свадебная. Ударили по рукамъ. Ничего, говорить, ганего не надо, дѣвку одну надо; одежды даже не взяли. Такъ и увезли, сердечную, съ концомъ и не знали, что тутъ есть такое, да онося ужъ черезъ шесть недѣль, али больше, донатались. Видишь, разъ, ночью, стучатъ за дверями. Старикъ слезъ съ полатей: „кто тамъ?“ говорить. — И—скажетъ за дверями-то. Мужикъ и узналъ голосъ дочери, обрадовался, отворилъ. — Нѣтъ—говорить, дочь—ужъ не найду, батюшка, къ вамъ въ избу—недосугъ; а вотъ возьми крестъ мой, мнѣ нельзя съ нимъ ходить. А жить мнѣ хорошо, что не могу и сказать тебѣ: всего есть, и ѣды, и питья, только молиться нельзя.—Старикъ и догадался, кто его зять-то. Ну, онъ тутъ дочку звать домой, въ избу оборѣться.

Нѣтъ—говорить та—нельзя, дожидаются.—Мужикъ ее за руку, а та какъ рванется съ рукъ-то, и вонъ. Мужикъ велѣдъ за ней, а она въ сани и А лошадь-то была, что дочь-то сѣла, огонь, мужикъ только и видѣлъ, что съ поздрей какъ хватило огнемъ, только и было—слѣдъ простылъ.

ХІІІ.

Васька-то вѣдъ вотъ въ моей памяти ошалѣлъ,—а тоже надъ нимъ подшутили. Видишь, съ отцомъ онъ ригачу топилъ—молотить думали рожъ, да на ночь-то и остался спать въ ригачѣ для караула, да тутъ съ нимъ и пришло худо. Отецъ пришелъ утромъ, а онъ лежитъ въ углу да ничего не понимаетъ, только дрожить,

какъ сѣсновый листь. Отець-то старикъ давалъ его тутъ тристи и сѣвгомъ-то теръ—ничего не понимаетъ только глаза выпучилъ, да смотритъ вездѣ. И опослѣ того онъ ужъ ничего не говорилъ никогда, такъ и потонулъ безтолковымъ въ Рутомъ-омуту у сосны. Дрчали же его всѣмъ ужъ . . . изъ Вихляндін (Финляндін) колдуна доставали даже все ни почему прошло. Только колдунъ-то сказывалъ, что Васька-то на хозяйское мѣсто легъ на печи. да и не вышелъ, когда тотъ сталъ его гнать—значить, черобкой былъ, ну а ригачникъ и хвостъ его соломой по башкѣ . . . вотъ и помутилось все въ головѣ-то. А говорилъ же онъ, колдунъ-то, что кабы раньше, такъ еще можно бы было поправить, а то теперь его порча подъ сѣверную звѣзду ушла—не добыть. Видѣлъ я и колдуна-то: такой старый, голова лысая, большая, а страшной колдунъ—все знаетъ и скажетъ тебѣ, что будетъ. Еще онъ въ тѣ поры съ нашего озера лѣсоваго выгналъ:—рыба не ловилась, такъ онъ говорилъ, что лѣсовой-то былъ у водяного въ гостяхъ и жилъ тутъ два года, и вѣтъ все рыбу-то,—ну, вотъ, она и не ло-

(Разказъ другаго охотника).

XI .

Ужъ коли съ лѣсовымъ встрѣтншься, то и замѣтъ, что у него всегда воротъ у рубахи на лѣвой сторонѣ, а у кафтана лѣвая пола наверху; а коли заговорилъ, то помни ужъ первое слово, а забылъ—ну ужъ тряску себѣ жди. Вотъ я и разекажу въ слову.

Пошла, видишь, въ одной у насъ деревнѣ баба въ празникъ за грибами. Ну, оно и грѣхъ, да вѣдь бабій умъ, что твой вешній ледь—упрямы вѣдь . . . ну и досталось же ей на тѣ поры. Зналъ ее мой покойный отецъ: упрямая была такая и нелюдимка—все одна, да одна себѣ. И пошла она одна въ лѣсъ, набрала тамъ грибовъ такую кучу, сѣла на дорогу и вычищаетъ съ нихъ ломъ да землю. Смотритъ, идетъ по дорогѣ мужикъ мимо ей. Ужъ грибы ли онъ у ней задѣлъ, али такъ завязала съ нимъ разговоръ, только мужикъ не отходитъ отъ ней—все говоритъ, а баба какъ бы отъ него прочь.

— Шѣтъ!—говоритъ—помнишь ли ты первое слово?—

Тутъ она и узнала, кто онъ, мужикъ-то, да первого слова припомнить и не можетъ.

— Ну, вспомнирай!—говорить—а то я вѣдь шутить не люблю.

Не вспомнила баба. Онъ какъ схватить ее за косы-то, да какъ поволокть—умора вѣдь. Вѣжнить, да волочетъ. Сначала таскалъ тихо, а потомъ, что мочи было—въ скачѣ. Сперва волосамъ-то было больно, а послѣ, какъ огнемъ, начало палить голову-то; а лѣсовой-то (это онъ былъ) все таскаетъ, да таскаетъ, что флюгарку вѣтеръ.

— Восемьсотъ у тебя грибовъ, такъ восемьсотъ верстъ я тебя и переволочилъ—сказалъ онъ и бросилъ бабу въ полѣ, у деревни, уже по вечеру.

Ну и хворала же баба послѣ того шеей, да головой почти цѣлый годъ! Да, спасибо Малапѣ (была тутошная колдунья), поморила ее съ лѣсовымъ—посила ему (индивидууму лѣсному) въ подарокъ рыбки изъ окупей: съ этого только Богъ простилъ.

XV.

Вышла азъ старуха (еще мнѣ она въ родлѣ по бабкѣ была) за коровами за поле. А этакъ начало ужъ вечерѣть, и время было кругъ Пречистой (Рождество Богородицы). Вышла старуха и ходить по тропинкамъ—все слушаетъ, не звонитъ ли гдѣ колоколь. Смотритъ, идетъ на встрѣчу человѣкъ.

— Бабушка! ты умѣешь бабничать?—спрашиваетъ онъ у ней.

— А бывалъ, родимый,—говорить—и тотъ грѣхъ.

— Такъ ты обабничай у меня бабу, да прибери ребенка, а я ужъ тебѣ заплачу.

— Можно бы было, кормилецъ, кабы коровъ только отыскать—сказала она.

— Отыщутся коровы,—а ты ступай за мной; я тебѣ ужъ заплачу за это.

Побрела старуха за человѣкомъ, и сама не знаетъ куда. А идетъ-то она тихо, претихо—извѣстно, старая.

— Бабушка! давай я тебя снесу за плечами, такъ скорѣе сойдемъ—говорить человѣкъ.

Забралась старуха на шекъ къ мужику и сидитъ. Онъ-то сначала шелъ тихо, а тутъ все шибче, шибче, да какъ пошелъ отъ-

ривать, только лѣсъ въ глазахъ рябитъ—и черезъ болота, и по озерамъ прямо, и чрезъ овраги: катить, что конь добрый, а старуха держится за волосы, да дивится.

— Пришли!—сказалъ онъ наконецъ и посадилъ старуху у избушки въ глухомъ, глухомъ лѣсу. Провелъ онъ старуху въ избу, а тамъ на кровати лежитъ здоровая баба-роженница. Старуха все, какъ слѣдуетъ, сдѣлала—ребенка обмыла, роженницу наладила и сама вымылась.

— Спасибо тебѣ, бабка!—сказалъ мужикъ, когда кончила та свое дѣло.—Вотъ тѣ за труды гривенникъ, и ужь ты въ какинй-нибудь день его и держи, а онъ на утро у тебя опять и будетъ въ карманѣ; и пока не потеряешь и людямъ не расскажешь объ немъ, онъ все будетъ въ дѣйстви; а расскажешь, али потеряешь—лишишься всего.—

Взялъ онъ тутъ старуху, посадилъ на себя, ударилъ себя еще погонялкой и поскакалъ, что было мочп. На улицѣ темпо, а они скачуть, лишь подъ ногами шлепаеть. И привезъ онъ ее ужь за полночь къ самому дому . . . Коровы оказались тоже дома.

Долго старуха послѣ того держала этотъ чертовъ серебряный гривенникъ. Размѣняетъ его и мелочь издержитъ, а на утро онъ опять въ карманѣ. Такъ вѣдь пользоваться не умѣла! Вышла это она разъ на крестинахъ водки, да подъ хмѣлькомъ-то и расскажи всѣмъ. На другое утро сунетъ руку въ карманъ, а тамъ лежитъ черенокъ отъ чугунаго горника. Только она и была богата! заключилъ рассказчикъ.

(Рассказ. крест. Кар.)

XVI.

Въ нашей деревнѣ жила одна вдова и все торговала кой-чѣмъ. Съѣздить, бывало, въ Питерь, навезетъ оттолѣ всякихъ пустяковъ и торгуетъ. Сама же была преробкая, робкая—ну, настоящая баба! Вотъ разъ она и ѣдетъ изъ Питера съ товаромъ по осени. Приѣхала въ одну харчевню кормить лошадь; разговорилась съ хозяйкой, а та возьми, да и расскажи ей, что на дорогѣ, съ недѣлю назадъ, нашли челоуѣка зарѣзаннымъ, и судъ былъ, и его ужь похоронили. Ну, а она, какъ этакая робливая была, и взяла въ голову этого покойника. Выѣхала изъ харчевни, а онъ у ней

все на умѣ. Въ тѣмъ же стало темно, и мѣсяцъ поднялся. Не успѣла она отъѣхать трехъ верстѣ, и слышитъ, что кто-то бѣжитъ назадъ; обернется, а голый человѣкъ съ перерѣзаннымъ горломъ хватается за телѣгу. Ну, и какая ей сдѣлалась робость отъ этого, такъ я тебѣ пересказать не могу—самъ поймешь! Только скажу, покойникъ бѣжитъ, да бѣжитъ за телѣгой: лошадь пойдетъ шагомъ—и онъ пойдетъ шагомъ; лошадь побѣжитъ—и онъ побѣжитъ; лошадь скачкомъ—и онъ въ прыжку, и на пядень не отстанетъ отъ телѣги. На дорогѣ есть тутъ деревня, и только начали подызжать къ этой деревни-то, а онъ и исчезъ; а проѣхали деревню—онъ опять тутъ. Такимъ-то манеромъ верстѣ тридцать провожалъ—до другой деревни. Не доходя до этой деревни, есть церковь и при ней кладбище,—такъ онъ больше не пошелъ, а свернулъ въ ограду и тамъ остался. Послѣ того припалась баба хворать, да хворать—вся пизшла кровью, да и умерла на шестой недѣли. Диво только, что кучеръ-то мальчишка ничего не видалъ, а одна баба, заключилъ рассказчикъ.

XVII.

Жилъ въ нашей деревнѣ пастухъ; нечочный такой былъ и смирный. Ужъ обиды отъ него вѣкъ не было никому, а, Богъ его знаетъ, за что ему приключилась напасть. Повѣкъ онъ все былъ пастухомъ и за душой не имѣлъ ни одѣженки, ни обуви—одно слово, бездомовый былъ. Вотъ разъ, такъ около Александрова дни (30 августа), погналъ онъ въ лѣсъ коровъ по почтовику и распустилъ ихъ по сторонамъ, а самъ тоже зашелъ въ сторону и сѣлъ на кустикъ. Сидитъ и вдругъ видитъ, что въ пяти, такъ, саженьяхъ лежатъ, какъ будто, человѣкъ. Подходить, и точно, лежитъ человѣкъ въ кафтанѣ, въ сапогахъ, рубаха ситцевая и крестъ на вороту золотой, а самъ мертвой и глаза ужъ выклеваны у воронъ. Худое на умъ пришло пастуху—захотѣлось ему чужимъ добромъ попользоваться. Осмотрѣлся . . . нѣтъ никого. Взялъ, снялъ съ мертвеца сапоги и сталъ снимать крестикъ. Лишь хочетъ онъ приподнять голову-то у него, чтобы стащить крестъ-то, а покойникъ-то и ухвати его за полу шубы, да и захватилъ-то высоко, почитай, всю полу забралъ въ руку. Пастухъ ну рваться оттягиваетъ шубу, да не тутъ-то было—рука, что желѣзные тиски, захватила. Что дѣлать? не вѣкъ же стоять: взялъ онъ, да и оторвалъ полу у шубы и оставилъ тутъ въ рукѣ у покойника.

Пришелъ вечеромъ домой. Хозяинъ спрашиваетъ:—куда полу дѣваль? полушубокъ испортилъ!—Настухъ ничего не говоритъ сначала, а потомъ скажетъ:—за сукъ задѣлъ, да оторвалъ.—Не повѣрилъ хозяинъ, а все бранить настуха и рассказалъ всѣмъ на деревнѣ, что настухъ новый полушубокъ оборвалъ. А въ ты-межъ (между тѣмъ) и народъ прозналъ, что на дорогѣ есть покойникъ и—съ шубнойолой въ рукѣ. Узналъ и сотскій объ этомъ и взялъ понятыхъ. Освидѣтельствовали и узнали, что у покойника въ рукѣ настухова пола. Донесли становому, и наѣхалъ судъ. Такъ вѣдь не могли никто отнять руки-то отъ шубы; ужъ лекарь персты отнимилъ, да снялъ—вѣдь на сквозь прошли. Кусокъ-то и приложили къ полушубку, а онъ, какъ тутъ былъ. Рассказалъ настухъ, какъ дѣло было, только ему не повѣрили, а признали, что онъ его и убилъ. Такъ въ Сибирь и ушелъ за это въ кагоргу, а ужъ дѣло прошло, не повиненъ былъ ни въ чемъ. И какалъ нужда была покойнику сгубить человѣка? Ну, а послѣ ужъ одна старуха пыталась (ворожила), да сказала, что этотъ покойникъ у отца—матери въ утробѣ былъ проклятъ, а настуху тому такъ и на роду было написано идти въ Сибирь.

(Разказ. О. Хвос.)

XVIII.

Покажется этотъ кладъ всяко, и во снѣ, и на яву, и человѣкомъ, и свищею, и гдѣ бы ни было. Они тоже, эти клады, бродить по ночамъ: ну счастливецъ и наткнется иногда и возьметъ. Вотъ въ нашей деревнѣ, на моей еще памяти, рассказывали, что Вася Пѣтухъ разбогатѣлъ отъ того, что ему показался кладъ, да еще не умѣлъ взять всего, а то бы былъ богаче всѣхъ на свѣтѣ. Бѣденъ, очень бѣденъ былъ этотъ Пѣтухъ: ни на себѣ, ни подъ собой; изба на курьей пожкѣ въ одно окно, а ребятъ гибель была, что мухъ наложено. У него къ избенкѣ тутъ примыкалъ маленькой дворинко, а на дворѣ-то уже годовъ пять не то скотины какой, а и мыша не бывало, потому, значить, и ему тамъ взять было нечего. Вотъ и лежитъ онъ, Пѣтухъ, разъ ночью на печи; а спать онъ угодъ былъ—хоша по улицѣ за ноги волочи, такъ не пробудится (извѣстно, въ брюхѣ пусто—такъ ужъ снится). Снитъ онъ и слышитъ, что толкаетъ его въ плечо.

— Встань—говорить—да ступай на дворъ!—

Слышитъ Вася голосъ съ просонья, да и ухомъ не ведеть—опять спитъ.

— Встань—говоритъ опять—да иди на дворъ!—А самага, этакъ, какъ чѣмъ острымъ въ бокъ суетъ.

Повернулся Пѣтухъ на брюхо и еще нуще захрапѣлъ.

— Ступай, тебѣ говорятъ, на дворъ!—сказалъ голосъ въ третій разъ, да какъ опарашить по спитѣ-то чѣмъ-то тяжелымъ, такъ куда и сонъ у мужика дѣвался. Вскочилъ онъ на улицу, да и на дворъ,—а ужъ утро было и начинало свѣтатъ. Слышитъ, въ углу визжитъ свинья—ужъ вся пролѣзла въ дыру-то, а только одинъ задокъ видать у ней изъ двора-то.

— Кой прахъ тебя носить!—закричалъ мужикъ и хватилъ по задку-то дубиной.

Лишь ударить—слышитъ, звякнуло—задокъ-то весь и раскатился цѣлковыми, да золотыми, а остальное ушло.

И вышелъ же послѣ того въ люди Вася Пѣтухъ: построишь домъ, вырастишь ребятъ, выучилъ грамотѣ и началъ промышлять дровами. А теперь его сынъ, почитай, первый богачъ въ цѣломъ уѣздѣ. Если же бы онъ да по первому зову-то пошелъ, то вся бы свинья-то была его. Послѣ говорили, что это не иной кто будилъ его, а хозяйинъ домовый. Значить, счастья пожелалъ ему, съ простодушіемъ замѣтилъ разскащикъ.

(Разск. Вас. Сав.)

XIX.

Дѣло было въ Польшѣ. Стою я разъ на часахъ въ секретѣ. Холодно—ночь; иззябъ, а спать такъ и хочется, просто—мочи нѣтъ терпѣть. Ну, а у насъ, въ военномъ быту, коли заснулъ на часахъ, да еще въ военное время—прощай . . . спать на караулѣ нельзя. Не могъ таки устоять, заснулъ. Долго ль спалъ, не знаю, только слышу, трогаетъ въ плечо.—Вставай—говоритъ. Слышу, что будить, а встать не могу.—Вставай, часовой!—говоритъ снова, а я еще того хуже спать хочу. Да тутъ, какъ съѣздить мнѣ, пламя штыкомъ по носу, такъ я, какъ встрепанный заяцъ, вскочилъ. Слышу, въ десяти шагахъ отъ меня идутъ.—Кто идетъ? Пароль?—говорю.—Рупды. Рязань—отвѣчаютъ. Подошелъ офицеръ—осматривалъ посты, и тутъ съ нимъ и нашъ

главный генераль. Застали бы на спаньѣ, и дали бы мѣ! Отдать честь; перемѣнили пароль и ушли; а чрезъ четверть часа забили тревогу и началась перестрѣлка въ цѣни. Меня снали.

Вѣкъ спасибо хозяину, что побудилъ во время. Поса же, что понало штыкомъ, не могли въ годъ заживитъ—дуритъ, да и только. Нанослѣдокъ лекаръ лазаретный плюнулъ:—Фу, ты!—говоритъ—поганый какой у тебя носъ!—Такъ съ больнымъ посомъ и ушелъ домой, да на родинѣ поналасъ баба, посмотрѣла на воду: помылъ этой водой, и зажило въ три дня.

(Сообщ. отст. солд. Т. нѣх. полк. Н. Ю.).

И. Минорскій.

Д. чл. губ. ст. комит.

Замѣтка о кожевенныхъ заводахъ и кожевенномъ производствѣ въ Рѣчно-Георгіевскомъ приходѣ, Каргопольскаго уѣзда.

Кожевенное производство, по обширности своей, занимаетъ первое мѣсто между промыслами крестьянъ Рѣчно-Георгіевского прихода, Каргопольскаго уѣзда. Всѣхъ кожевенныхъ заведеній въ приходѣ находится 24; изъ нихъ 10 принадлежатъ крестьянамъ деревни Кроминской, а 14 крестьянамъ деревень: Погоста, Павлочной и Нифантовской. Крестьянъ-домохозяевъ, занимающихся выдѣлкою кожъ, числится 30 человекъ. По деревнямъ они раздѣляются такъ: къ Кроминской деревнѣ принадлежатъ 11 чел., къ Погосту 7, къ Павлочной 6 и Нифантовской 6; хозяевамъ-кожевникамъ, въ ихъ производствѣ помогаютъ братья, дѣти, работники и даже женщины, такъ что число всѣхъ людей, занятыхъ обработкою кожъ, простирается до 100 чел. (Общее насел. прих., обоюго пола, простир. до 1,000 чел.). Выдѣлка кожъ въ продолженіи всего года производится въ особыхъ заведеніяхъ, называемыхъ кожевенными заводами.

До 1866 года кожевенные заводы у Рѣчно-Георгіевскихъ крес-